

Цвинариа Марина Евгеньевна

КОНТЕКСТНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ДЕОНТИЧЕСКИХ И ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА MAY / MIGHTE (НА МАТЕРИАЛЕ "КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ" ДЖ. ЧОСЕРА)

В статье рассматриваются контекстно-дискурсивные факторы развития модальных значений среднеанглийского глагола "may / mighte". За отправную точку проявления деонтических и эпистемических смыслов принимается контекстное переосмысление его динамических значений. Исследование, проведенное на материале "Кентерберийских рассказов" Дж. Чосера, показало, что одним из ключевых прагматических факторов семантического развития "may / mighte" является контекстная субъективизация.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 164-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Исследования сознаний в художественном дискурсе дают возможность увидеть особенности коннотации относительно их универсального и национально-культурного характера. Рассмотрение коннотации на основе материала поэтического наследия элитарных и национальных языковых личностей с обширной диалектикой мышления и национальным самосознанием открывает перспективы для дальнейшего комплексного изучения культурной коннотации, в частности этноконнотации, как уникала национальной культуры, отражающей идиоэтнические особенности этноса.

Список источников

1. **Быкова О. И.** Этноконнотация как вид культурной коннотации: автореф. дисс. ... д. филол. н. Воронеж, 2005. 39 с.
2. **Жанабаев К.** Небо древних номадов – как зарождался мир // Қазақ үні. 2016. 5 сентября.
3. **Коннотация** [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KONNOTATSIYA.html?page=0,1 (дата обращения: 23.07.2017).
4. **Маслова В. А.** Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. **Махамбет.** Алматы: Арыс, 2001. 160 б.
6. **Тохтабаева Ш. Ж.** Символика предметов традиционного быта казахов // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. 2014. № 1. С. 23-28.

ETHNOCONNOTATION IN THE LANGUAGE OF THE KAZAKH POETRY

Khabieva Almagul' Altaevna, Ph. D. in Philology
*Institute of Linguistics named after A. Baitursynov of the Committee of Science
of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Alma-Ata
a.a.khabiyeva@bk.ru*

The article deals with the peculiarities of cultural connotation and ethnoconnotation. On the basis of concrete linguistic facts the thesis is grounded that if in cultural connotations both national and cultural characteristics can be laid down, then ethnoconnotations, as unique to the national culture, have associative-figurative meanings of idioethnic nature. Ethnoconnotation in the language of the Kazakh artistic word is represented through Makhambet Utemisov's national values in the understanding of the world.

Key words and phrases: cultural connotation; ethnoconnotation; national-cultural information; language worldview; poetry.

УДК 81

В статье рассматриваются контекстно-дискурсивные факторы развития модальных значений среднеанглийского глагола «may / mighte». За отправную точку проявления деонтических и эпистемических смыслов принимается контекстное переосмысление его динамических значений. Исследование, проведенное на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, показало, что одним из ключевых прагматических факторов семантического развития «may / mighte» является контекстная субъектификация.

Ключевые слова и фразы: деонтическая модальность; эпистемическая модальность; субъектификация; контекстное переосмысление; «Кентерберийские рассказы».

Цвинария Марина Евгеньевна, к. филол. н., доцент
*Санкт-Петербургский государственный университет
marina.tsvinaria@yandex.ru*

**КОНТЕКСТНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ДЕОНТИЧЕСКИХ
И ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА MAY / MIGHTE
(НА МАТЕРИАЛЕ «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖ. ЧОСЕРА)**

Прагматический подход к историческим явлениям языка, рассматривающий развитие значений языковых единиц в тесной связи с их речевым употреблением, предусматривает тщательное изучение контекстов, способствующих изменениям в их семантике. Именно контекстное переосмысление («context-induced reinterpretation») является почвой для развития новых ядерных значений из ранее периферийных смыслов. Это развитие представляет собой последовательный процесс, имеющий следующие ступени: 1) языковая единица употребляется в большинстве контекстов с известным, ядерным значением; 2) появление отличных, но имеющих нечто общее с известными контекстов («bridging contexts»), в которых языковая единица приобретает другие оттенки значения; 3) появление контекстов переключения («switching contexts») с новым значением; 4) конвенционализация нового значения вне зависимости от контекста [2, p. 84-85].

Историческое развитие семантики модальных глаголов имеет однонаправленный характер от выражения объективной динамической модальности к деонтическим и эпистемическим значениям, которые могут быть более или менее субъективными [3, p. 792-793; 6, p. 509-510; 10, p. 14-15]. Субъектификация (термин Е. С. Трауготт [8, p. 46]) значений является одним из главных факторов их грамматикализации в плане передачи новых смыслов, изначально возникающих в общении в виде речевых импликаций. Так, представляя

развитие в речевом общении лексических единиц в виде прагматической линии «propositional > textual > expressive», Е. С. Трауготт отмечает, что в каждом из звеньев данной схемы можно выделить менее или более выраженные личностные («personal») признаки значения [7, p. 257]. Этот процесс имеет три тенденции: 1) значения, обоснованные внешней описанной ситуацией > значения, обоснованные внутренней (оценочной / перцептуальной / когнитивной) ситуацией; 2) значения, обоснованные описанной ситуацией > значения, обоснованные металингвистической ситуацией; 3) значения склонны становиться все более зависимыми от субъективного представления или отношения к ситуации говорящего [6, p. 499-501]. Субъективизация модальных значений также приводит к изменению значений от более конкретных к более абстрактным, т.е. к переходу от отражения в них отношений, существующих между объектами окружающего мира (динамическая модальность), так и в плане формирования суждений о нем (эпистемическая модальность).

Контекстно-дискурсивное исследование употреблений модальных глаголов актуально для установления лингвистических и экстралингвистических факторов их развития как в диахронии, так и в одном синхронном срезе, в котором можно выявить определенную динамику семантических и прагматических сдвигов, протекающих в данный исторический период. Так, древнеанглийский глагол *magan* в большинстве контекстов героического эпоса «Беовульф» реализует два своих ядерных значения – «способность» и «объективная возможность» – и лишь в ограниченном числе контекстов может выражать деонтическую и эпистемическую возможность в высказываниях обобщающего характера. Эти контексты воплощают героический дискурс по актуальным для эпохи темам, и в отношении к ним говорящего превалирует не личное мнение, а ценности, разделяемые большинством общества [1, с. 200-201].

В среднеанглийском *may / mighte* в целом продолжает выражать динамические значения способности и объективной возможности, но при этом, как отмечает известный исследователь развития английских модальных глаголов Ф. Т. Виссер, во многих случаях он передавал более сильный оттенок объективной возможности, включая такие смыслы, как вероятность события («eventuality»), его высокую случайность («contingency») или допустимое предположение («admissibility of a supposition»), что, в свою очередь, могло автоматически приводить к выражению неопределенности по поводу актуализации действия («perhaps will + infinitive»). Таким образом, в среднеанглийский период намечается линия на субъективизацию значения возможности, выражаемой *may / mighte*. Однако данный сдвиг в значении не имел формального выражения, вследствие чего интерпретация целого ряда примеров его употреблений проблематична и может быть произвольной [9, p. 1756, 1762, 1768].

Очевидно, что сосуществование многочисленных случаев усиления оттенка объективной возможности и указанных субъективно-оценочных смыслов обусловлено увеличением числа контекстов, где ведущую роль играет не пропозиция объективно возможного события или положения дел, а позиция говорящего. Таким образом, семантическое развитие значения *may / mighte* в среднеанглийском по линии «objective possibility => eventuality / contingency / admissibility of a supposition => subjective possibility» требует уточнения с опорой на контексты реализации указанных значений.

«Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (далее – КР) представляют собой благоприятный объект для поиска примеров выражения различных оттенков значения возможности, так как автор, «представив рассказы как живые истории, окрашенные личностью каждого рассказчика, и воспроизведя ритмические и лексические особенности разговорного английского за счет более правильного, литературного языка, присущего его предыдущим сочинениям... придал своему последнему произведению живую непосредственность» [4, p. 3]. Представленные ниже примеры относятся к «Прологу» и «Рассказу Батской ткачихи» («The Wife of Bath's Prologue and Tale») [4]. Батская ткачиха (далее – БТ) – одна из самых ярких и живых персонажей поэмы, чье личное восприятие действительности часто воплощается в высказываниях, представляющих собой субъективные утверждения, в передаче которых участвует *may / mighte*. Таким образом, эти высказывания являют собой образцы живого дискурса героини с ее аудиторией как собственно в КР, так и с читателем.

1. *Примеры выражения объективной и субъективной деонтической возможности в контексте требования, разрешения, просьбы, пожелания*

Следует отметить, что употребление *may / mighte* оставалось в большинстве случаев неперформативным до XVI века и сводилось в целом к передаче значения «I say there is absence of prohibiting conditions» [5, p. 116]. Проявлению значения деонтической модальности способствовало прямое или косвенное контекстное присутствие деонтического источника разрешения или запрета. Например, вопрос БТ о том, сколько раз женщине можно выходить замуж, требует ответа, какой христианский авторитет поддерживает церковный закон, позволявший женщине выходить замуж только один раз, так как все последующие браки считались двоебрачием [4, p. 77]. Деонтическое значение разрешения здесь зависит от употребления *myghte* в контексте обсуждения законности пяти замужеств самой героини:

(1) «21-23: But that I axe, why that fifthe man // was noon husbonde to the Samaritan? // How many *myghte* she have in marriage?» [Ibidem, p. 35]. / Но я спрашиваю, почему тот пятый мужчина не был мужем самаритянки? Скольких могла она иметь в браке (здесь и далее буквальный перевод наш. – М. Ц.)?

В семейной жизни источником запрета на исполнение желаний женщин являются их мужья, имеющие над ними полную власть:

(2) «517-20: Wayte what thing we *may nat* lightly have // Therafter wol we crie al day and crave. // Forbede us thing, and that desiren we // presse on us faste, and thanne wol we flee» [Ibidem, p. 51]. / Любое, что нам нельзя

легко получить, ведет к тому, что мы будем плакать весь день и страстно этого хотеть. Запрети нам что-нибудь, чего желаем мы, надави на нас сильно, и тогда нам захочется ускользнуть.

Деонтическая возможность может также иметь опору в существующих народных поверьях или христианской вере. Например, как остроумно считает БТ, женщины в ее время стали намного свободнее и могут без страха ходить повсюду, например, в лес, где вместо нападавших на них раньше и принуждавших их к сожителю духов теперь день и ночь бродят бормочущие молитвы и отпускающие грехи монахи:

(3) «878-81: Wommen *may* go now safely up and down. // In every bussh or under every tree // There is noon oother incubus but he, // And he ne wol hem doon but dishonor» [Ibidem, p. 63]. / Женщины могут теперь без опаски ходить повсюду. В каждом кусте и под каждым деревом нет никакого иного злого духа, кроме него (монаха), и он не сделает им ничего плохого, кроме бесчестия.

Во всех представленных выше случаях деонтическая возможность относится скорее к объективному типу и проявляется в контекстах, внешне схожих с теми, где *may / mighte* выступает с ядерным значениями «способность / объективная возможность» и прагматические сдвиги в сторону выражения субъективного требования, разрешения или запрета, в принципе, остаются не маркированными. В этом смысле приведенные контексты можно характеризовать как «bridging contexts», т.е. имеющие общие черты с контекстами выражения способности / объективной возможности. Однако можно отметить и примеры употребления формы настоящего времени *may*, где субъектификация его значения происходит за счет контекстов переключения («switching») с обобщений на частные случаи проявления чьей-то воли. Например, в рассказе БТ о рыцаре, вынужденном подчиниться приказу королевы вопреки собственному желанию, она не просто констатирует этот факт, но и выражает его субъективную оценку. Метакоммуникативный маркер «But what» – «Но что ж» передает досаду, а лексическое выражение воли «as him liketh» = «he has little choice in the matter» [Ibidem, p. 109] – «как ему нравится» = «у него почти нет выбора в этом деле» создает прагматический контекст для передачи с помощью *may nat* запрета как отсутствия субъективного разрешения:

(4) «914: But what, he *may nat* do al as him liketh» [Ibidem, p. 64]. / Но что ж, он не может делать все, как ему нравится.

Контекстом переключения с объективной на субъективную деонтическую модальность, в котором употребление *may* ближе всего к перформативному, является прямая речь в диалоге при выражении просьбы:

(5) «1096-97: “What is my guilt? For Goddes love, tell me it, // And it shal been amended, if I *may*” – “Amended?” quod this knight, “allas, nay, nay!”» [Ibidem, p. 70]. / «В чем моя вина? Ради Бога, скажи мне, и она непременно будет исправлена, если позволишь». – «Исправлена?» – сказал рыцарь. – «Увы, нет, нет!».

Здесь в рассказе БТ нежеланная жена всячески пытается угодить мужу и ведет себя покорно и вежливо, стараясь завоевать его расположение и получить разрешение помочь ему в трудной ситуации. Первая часть высказывания с *may* содержит глагол обязательства *shal*, передающий ее уверенность в своих силах, поэтому в «if I *may*» заключено не собственно условие их реализации, а спрашивание разрешения употребить их, на что указывает и отказ мужа согласиться на ее помощь. Эта же тональность почтительной просьбы передается в прагматической рамке вопроса в примере 1236-37 [Ibidem, p. 74].

Следует особо отметить случай употребления *may* в пожелании. Впервые оно было зафиксировано в XIII в. и фактически идентично превалирующему в пожеланиях вплоть до XVIII в. глаголу разрешения *moote* [5, p. 171-172], как, например, в «323-24: Of all the men yblessed *moot* he be // The wise astrologien, Daun Ptholome» [4, p. 45]. / Из всех людей благославлен пусть будет мудрый философ Птолемей. Использование *may* в таком конвенциональном контексте говорит о значительной степени субъектификации его значения в плане перспективы его дальнейшей грамматикализации как вспомогательного глагола опатива:

(6) «1174-75: Yet *may* the hye God, and so hope I // Grante me grace to lyven virtuously» [Ibidem, p. 72-73]. / И все же пусть Господь, и я на то надеюсь, дарует мне милость жить добродетельно.

2. *Примеры выражения объективной и субъективной эпистемической возможности в контексте утверждения (мнения, довода, предположения)*

Одним из часто выявляемых случаев контекстно-обусловленного выражения мнения, довода или предположения является употребление *may* в обобщающих утверждениях о типичных или очень вероятных ситуациях. Так, например, высказывание БТ, которое иносказательно учит мужчин, как добиться благосклонности женщин, выглядит как известная всем поговорка:

(7) «415: With empty hand men *may* none haukes lure» [Ibidem, p. 48]. / С пустыми руками ястреба не приловишь.

В подобных примерах мы наблюдаем использование *may* для передачи вероятностной возможности в контекстах, внешне не отличимых от его обычного употребления, и их можно характеризовать как схожие («bridging»). В то же время они имеют четкую коммуникативную направленность – склонить собеседников БТ принять ее личную точку зрения.

К контекстам переключения внимания с объективного содержания утверждения на его субъективную трактовку относятся примеры ссылок на неверные, по мнению БТ, и субъективные утверждения собеседника, маркированные ссылкой «thau seist» – «ты говоришь». Полемицируя с одним из своих мужей, она осуждает всех мужчин за их предубеждение в том, что женщина – легкая добыча в любовных делах:

(8) «254-55: Thou seyst that every holour wol hire have; // She *may* no while in chastitee abyde» [Ibidem, p. 43]. / Ты говоришь, что каждый сластолюбец ее желает, она недолго остается целомудренной (см. также 263-64 и 265-66 [Ibidem]).

Показателем субъективности высказываний служит также присутствие в них метакоммуникативных маркеров привлечения внимания «Heere» или переключения на новую тему «Lo, here» – «Look, listen», «then what about...?» [Ibidem, p. 77, 130] – «Послушайте», «А как насчет...?», что придает им разговорный характер и обостряет полемический тон суждений БТ:

(9) «719: *Lo, heere* expres of womman *may* ye fynde // That womman was the los of al mankind» [Ibidem, p. 57]. / Послушайте, а как насчет того, что здесь вы находите явное утверждение о женщине, что женщина была причиной гибели человечества.

В выражениях апелляции к слушателям «*may well fynde*» или «*may ye se well*» – «вы ясно видите» *may wel* выступает как маркер утверждения, подчеркивающий очевидность личного мнения БТ:

(10) «1150-51: For, God it woot, men *may wel* often fynde // A lordes son do shame and vileynie» [Ibidem, p. 72]. / Ибо, это знает Бог, люди часто видят, что сын лорда поступает позорно и подло (см. также 1146-47 [Ibidem]).

Следует также отметить случаи контекстного выражения разной степени уверенности. В наибольшей степени субъективная уверенность предположения выражается с помощью устойчивого выражения «*wel may that be*» – «most certainly this is» [Ibidem, p. 86] – «без сомнения». Например, мнение мужа БТ о том, что женщины скрывают свои пороки до той поры, пока их в них не уличат, вызывает у нее гневное восклицание:

(11) «284: *Wel may that be* a proverbe of a shrewe!» [Ibidem, p. 43]. / Без сомнения, это суждение негодяя!

Ослабление степени уверенности предположения происходит при наличии в контексте высказывания таких лексических средств, как «*paraventure*» – «может быть» (см. 1003 [Ibidem, p. 67]) и «*as thinketh me*» – «как мне кажется» (см. 1203-4 [Ibidem, p. 73]).

Грамматическим контекстами ослабления объективности высказывания являются сложноподчиненные предложения с придаточными условия и сравнения, представляющие собой субъективные гипотезы БТ, при этом временное значение формы *mighte* утрачивается:

(12) «1134-38: If gentilnesse were planted naturelle... // They *mighte* do no vileynie or vice» [Ibidem, p. 71]. / Если бы благородство было врожденным... они не могли бы творить подлые дела и грешить (см. также 6-7 [Ibidem, p. 35] и 1142-44 [Ibidem, p. 72]).

Итак, контекстно-дискурсивное исследование употреблений глагола *may / mighte* в КР показало значительное разнообразие контекстов его употребления, влияющих на его значение. Отмеченное выше как характерная черта его семантики в среднеанглийский период усиление значения объективной возможности находит выражение в передаче им объективной деонтической и эпистемической модальности. В подобных случаях содержание высказываний отражает типичные ситуации и общепринятые установки, и их можно рассматривать как пограничные («*bridging*») контексты. Обоснование признаков субъективизации требует ссылок на когнитивные и коммуникативные аспекты использования *may / mighte*. Так, в целом ряде примеров наблюдается усиление субъективного компонента его значения благодаря конкретизации ситуации (выражение личной воли в диалоге и пожелании, утверждение личной позиции в полемической речи), а также за счет прямого указания на личное мнение, использования метакоммуникативных и лексических средств апелляции к слушателям и передачи различной степени уверенности говорящего. Наличие подобных контекстов переключения («*switching*») с описания ситуации на влияние и отношение к ней – важный фактор проходящего в речи процесса вовлечения *may / mighte* в выражение субъективных деонтических и эпистемических смыслов как почвы для его дальнейшего развития в качестве маркера речевых актов разрешения и утверждения. Таким образом, приведенные выше примеры контекстного переосмысления значения *may / mighte* дают более четкое представление об особенностях и общем направлении развития его модальных значений в среднеанглийский период.

Список источников

1. Цвинариа М. Е. Контекстно-прагматическая характеристика способов передачи на русский язык глагола *magan* в переводе В. Тихомирова эпоса «Беовульф» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. 4. С. 199-202.
2. Heine B. On the Role of Context in Grammaticalization. New Reflections on Grammaticalization // Typological Studies in Language. Amsterdam: Benjamins, 2002. № 49. P. 83-101.
3. Lyons J. Semantics. L.: Cambridge University Press, 1977. Vol. II. 897 p.
4. The Wife of Bath's Prologue and Tale from "The Canterbury Tales" by Geoffrey Chaucer / ed. with introduction, notes and glossary by J. Winny; revised by S. Kane and B. Winny. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 138 p.
5. Traugott E. C. A History of English Syntax: A Transformational Approach to the History of English Sentence Structure. N. Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1972. 216 p.
6. Traugott E. C. From Less to More Situated in Language: The Unidirectionality of the Semantic Change // Papers of the 5-th International Conference of Historical Linguistics / ed. by S. Adamson et al. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins, 1990. P. 497-515.
7. Traugott E. C. From Propositional to Textual and Expressive Meanings. Some Semantic-Pragmatic Aspects of Grammaticalization // Amsterdam Studies in the Theory of Linguistic Science. IV / ed. by W. P. Lehmann et al. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins, 1982. Vol. 24. P. 245-278.
8. Traugott E. C. On the Rise of Epistemic Meaning in English: An Example of Subjectification in Semantic Change // Language. N. Y.: Linguistic Society of America, 1989. № 65. P. 31-55.
9. Visser F. T. An Historical Syntax of the English Language. Leiden: Brill, 1973. Vol. 3. 2631 p.
10. Warner A. R. English Auxiliaries: Structure and History // Cambridge Studies in Linguistics: 66. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Ch. I. Basic Properties of English Auxiliaries. P. 1-19.

**THE CONTEXT-DISCURSIVE DEVELOPMENT FACTORS OF THE DEONTIC
AND EPISTEMIC MEANINGS OF THE VERB *MAY* / *MIGHTE*
(BY THE MATERIAL OF “THE CANTERBURY TALES” BY GEOFFREY CHAUCER)**

Tsvinaria Marina Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg University
marina.tsvinaria@yandex.ru

The article deals with the context-discursive development factors of the modal meanings of the Middle English verb “may / mighte”. The context reinterpretation of its dynamic meanings is taken as a starting point of the manifestation of the deontic and epistemic senses. The research conducted by the material of G. Chaucer’s “The Canterbury Tales” shows that one of the key pragmatic factors of the semantic development of “may / mighte” is the context subjectification.

Key words and phrases: deontic modality; epistemic modality; subjectification; context reinterpretation; “The Canterbury Tales”.

УДК 811.161.1

Статья посвящена описанию синтагматической специфики производного предлога «соответственно». Анализируемый предлог является одним из средств выражения категории соответствия. Результаты анализа показывают, что сочетаемость предлога «соответственно» существенно отличается от сочетаемости предлога «в соответствии с». Отражая отношения соответствия между ситуациями, предлог «соответственно» является показателем зависимости одной ситуации от другой.

Ключевые слова и фразы: синтаксис; служебные слова; производный предлог; отношения соответствия; типы контекстов; синтагматика.

Чуеакаев Тханапхан

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
nhu_nha_tiffany10@yahoo.com

**ПРОИЗВОДНЫЙ ПРЕДЛОГ «СООТВЕТСТВЕННО»:
ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ**

Объектом описания в данной статье является производный предлог *соответственно*. Эта работа – продолжение нашего исследования группы производных предлогов, выступающих одним из средств представления категории соответствия [11]. Цель данного исследования – установить синтагматическую специфику названного предлога и выяснить, существуют ли различия в сочетаемости между двумя предлогами: *соответственно* и *в соответствии с*.

По наблюдению И. А. Захаровой, соответствие как семантическая структура включает в себя несколько компонентов: ‘отношение’, ‘участники ситуации’ (минимум два), ‘аспект’ – «признак, по которому устанавливаются отношения соответствия» [5, с. 11]. В то же время исследователь отмечает, что аспектуальный компонент лингвистически нерелевантен [Там же], имея в виду необязательность синтаксической реализации названного семантического компонента.

В связи с этим предлог *соответственно* рассматривается нами с точки зрения того, какую синтаксическую структуру он строит и с какой лексикой он сочетается.

Мы рассматриваем только лексему *соответственно*, управляющую дательным падежом. С помощью этой лексемы строится словосочетание. В качестве предлога данная лексема отмечена в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [8, с. 737], в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова [2, с. 1236] и других толковых словарях. Интересно, однако, что такой предлог не фиксируется ни в «Объяснительном словаре русского языка» под редакцией В. В. Морковкина [7], где представлено значительное количество служебных слов, в том числе производных предлогов, ни в «Толковом словаре служебных частей речи» Т. Ф. Ефремовой [4].

При описании синтаксической структуры, в которой функционирует предлог *соответственно*, мы используем термины «правый» и «левый» компоненты. Под правым компонентом мы имеем в виду существительное, которое вводится в текст с помощью предлога. Термином «левый компонент» мы называем главное слово в словосочетании, которое строится на основе предлога и которое в идеальной линейной последовательности занимает позицию слева от предлога [13, с. 216]. Лексическое наполнение правого и левого компонентов отражает синтагматические свойства предлога и рассматривается как его узкий контекст [Там же, с. 223]. В процессе анализа лексики мы использовали семантическую разметку Национального корпуса русского языка [6], классификацию предикатов Ю. Д. Апресяна [1], «Толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко [10] и «Русский семантический словарь» [9].

Лексико-семантическая специфика правого компонента проявляется в следующем. В позиции правого компонента функционируют преимущественно отвлеченные существительные. Немногочисленные конкретные существительные приобретают отвлеченный характер, оказываясь свернутыми номинациями ситуаций, явлений, признаков. Можно выделить следующие наиболее типичные группы: